

Е.Е.Красноженова

ОККУПАНТЫ И ДЕТИ: 1941—1944 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ)

Исследованы стратегии выживания детей и подростков в экстремальных условиях нацистской оккупации территории Северо-Запада РСФСР в период Великой Отечественной войны. Показана политика оккупационных властей в отношении детей и подростков на рассматриваемой территории. Проанализированы условия и формы взаимоотношений детского населения с оккупантами. Фашистский оккупационный режим поставил детей на грань выживания. Немецкие оккупанты в отношении детей и подростков проводили заранее спланированную преступную политику, содержащую целый комплекс мер, направленных на систематическое истребление гражданского населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, военное детство, оккупанты, нацизм, преступления

22 июня 1941 г. Германия начала войну с СССР. Цели военной кампании на Востоке были заранее разработаны нацистами. Они носили очерченный характер политики геноцида. В марте 1941 г. на заседании высшего командного состава вермахта А.Гитлер декларировал, что в войне против Советского Союза борьба будет вестись «на уничтожение» и что это будет «истребительная война в полном смысле этого слова». Общую стратегию поведения немецких войск подтвердил А.Розенберг за несколько дней до нападения, заявил, что «одной из главных целей вторжения является захват путем грабежа продовольствия и сырья, необходимых для немецкой военной машины, независимо от ужасных последствий, которым такой грабеж должен привести. Результатом выполнения подобных планов станет голодная смерть миллионов из-за отсутствия пищи» [1, с. 557].

Деятельность немецко-фашистских войск и приказы руководства были направлены на массовое уничтожение гражданского населения, подавление сопротивления, полное подчинение захваченных земель. Об этом свидетельствуют и размышления А.Гитлера насчет партизанской борьбы (июль 1941 г.), которая давала возможность уничтожать всех, кто оказывает сопротивление. Такие документы, как «Генеральный план “Ост”», план «Барбаросса» придавали расправам над мирными жителями характер государственной политики, которая распространялась на всех, независимо от пола и возраста. Жителям приходилось думать о выживании, питании, детях.

Дети ощутили на себе жестокость оккупационной администрации. Они становились объектом истребительной политики. Предлагалось «не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей по уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. ...Не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям» [2, с. 132]. Дети и подростки не были защищены от террора германской армии, что подтверждается рядом фактов.

В январе 1942 г. нацисты расстреляли 10-летнего Константина за то, что он снял ручные часы с трупа немецкого солдата. Вериникин (имя ребенка в документе отсутствует, *Е.К.*) 7—8 лет был расстрелян за то, что вошел в немецкий блиндаж. В апреле 1942 г. 11-летняя Кондрашова Вера зашла в немецкую землянку, где взяла кусочек хлеба и две сигары, за что немцы на глазах односельчан повесили Кондрашову Веру, ее мать Кондрашову Ольгу и брата Кондрашова Павла [3, л. 225-226]. В Васильковичах за кражу немецкого фонарика и другой мелочи были расстреляны дети: Прокофьев Сергей 1931 г.р., Перфильев Геннадий 1931 г. р., Баринов Александр 1932 г.р. и Вагин Виталий, 1929 г.р. [3, л. 51-52].

В Подберезском сельсовете Полаевского района в июне 1942 г. немец-переводчик Отто распорядился созвать 20 детей в возрасте от 8 до 10 лет. Детей под угрозой оружия погнали вырубать кусты впереди немецкой обороны. Два мальчика ушли домой. Отто приказал избить их плетью и снова послал работать.

За сбор ягод на территории лагеря возле проволоки в июне 1942 г. была избита группа детей в возрасте 8—12 лет, в том числе Трошкова Рима 12 лет, Иванов Геннадий 11 лет, всего 15 человек. Миронова Геннадия 6 лет избили в августе 1943 года за детскую игру возле выходных ворот лагеря [4, л. 4-7].

9 января 1944 г. карательный отряд СС «Мертвая голова» учинил облаву на мирное население дер. Ямсковичи Алексеевского с/совета. Все обнаруженные в деревне граждане, независимо от пола и возраста, уничтожались на месте. Среди них были и дети.

31 января 1944 г. немецкие солдаты из части СС произвели облаву на мирных жителей поселка Заречье, Ново-Порховского сельсовета. Группу задержанных в поселке граждан, престарелых и детей численностью до 150 чел. загнали в дом местной жительницы Бряковой, заколотили гвоздями все двери. В доме Бряковой сгорели: Петрова, девочка 5 лет, трое детей Ионовой Александры Ефимовны в возрасте 14 лет, 9 лет, и 5 лет, Гаврилов Толя, 3 года [5, л. 3-9].

В феврале 1944 г. при отступлении из деревни Полисто Стругокрасненского района немцы загнали в один дом 280—300 мирных жителей, мужчин, женщин и детей, которые сгорели.

В поселке Торковичи 5 февраля 1944 г. при отступлении оккупанты подожгли детский дом сирот войны, в котором находились дети в возрасте от 3 до 8 лет. 20 детей погибло в огне и 6 детей нашли замерзшими на улице [6, л. 225-226].

Преступлением против детства стало сбрасывание нацистами с самолетов детских игрушек, начиненных взрывчатыми веществами. Когда дети поднимали эти игрушки, происходил взрыв, в результате которого они гибли или получали увечье, оставаясь калеками. По свидетельствам жителей поселка Лисий Нос и Каупилово, от разрывов детских игрушек погибло 36 детей только по этим двум поселкам, не считая детей и взрослых, получивших увечья [6, л. 14-15].

По показаниям врача Якубовой, только в первые дни войны 1941 г. от артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок пострадало несколько сот ленинградцев, проживавших на дачах в Парголовском районе. «Мне самой, — отмечала врач Якубова, — пришлось непосредственно оказывать медицинскую помощь дачным женщинам и детям, приехавшим из Ленинграда [6, л. 14-15].

Особенно острой для населения стала проблема обеспечения продовольствием. Дети и подростки, безработные, иждивенцы, инвалиды находились на самом низу системы обеспечения. В условиях оккупации в некоторых районах Северо-Запада России была введена карточная система распределения продуктов. Однако питанием по карточкам обеспечивались только дети работающих или безработных родителей, которые были зарегистрированы на бирже труда. Так, с зимы 1942 г. нетрудоспособное население Гатчинского района получало по 150 грамм хлеба в день, а жители, направлявшиеся на работы, — по 200 грамм хлеба и одному литру супа, так называемой «баланды», отвратительного вкуса и качества.

Положение с продовольственным обеспечением населения оставалось катастрофическим на протяжении всего периода оккупации. Абсолютное большинство населения было совершенно истощено голодом. Люди питались мхом, рябиной, ходили опухшие, ослабшие, подбирали на помойках и у немецких кухонь отбросы, дети попрошайничали у немецких и испанских солдат, которые их грубо прогоняли. Сбор объедков преследовался, а за копку овощей на огородах немцы арестовывали, били плетями и даже вешали.

В справке о продовольственном положении в оккупированных районах Ленинградской области указывалось: «Люди питаются капустными листьями и то не всегда. Никакой торговли в городах нет. Взрослые и дети от голода пухнут» [7, л. 17-19].

О продовольственных трудностях вспоминали и сами дети. Так, Л.М.Корнилова (Балябина) 1938 г. р., жительница д. Ст. Перёсса Рахлицкого сельсовета Залучского района, отмечала: «Ели что придется. Помню “ландарики” — лепешки из черной картошки с щавелевой «крупой» (созревшими семенами щавеля)» [8, с. 35]. «Жители поселка Торфяное Чудовского района голодают. В деревнях доедают запасенное до прихода немцев. На ручных жерновах и кофемолках население размалывает ячмень и овес и из этой смеси пекут лепешки. Немцы изыали почти весь крупный и мелкий скот, половину лошадей, а также забирают картофель, капусту и сено» [7, л. 91].

Серьезные продовольственные трудности отягчались необходимостью для сельчан выполнять обязательные продовольственные поставки. Так, оккупанты установили для сельских общин Кингисеппского района следующие годовые нормы сдачи сельскохозяйственных продуктов: молока 400—450 литров с коровы, 30—50 яиц с куры, 3—4 тонны картофеля с гектара, по 300—400 кг зерна с гектара, мясо, шерсть, овощи. Кроме того, уплачивался денежный налог размером двадцать копеек с квадратного метра. Нередко помимо установленных норм, публикуемых в печати, с крестьян взимались дополнительные поборы или насильственное изъятие продуктов, скота и овощей [5, л. 3-9].

Продовольственные трудности вынуждали жителей региона искать дополнительные пути заработка. Взрослые, а часто и дети, торговали на черном рынке одеждой, другими вещами. Полуголодное городское население не могло обойтись без естественного обмена с жителями села.

Одной из стратегий выживания детей на оккупированных территориях стало выполнение хозяйственных работ для оккупационных властей. Так, В.В.Тихомирова, 1926 г. р., жительница деревни Чауни, отмечала: «Мама совсем ослабла, даже почернела от голода. Я стала ходить в Рогавку — брала у немцев белье в стирку и носки в штопку. Настираю, прокипячу с карбидом — получалось чисто. Солдаты были довольны и платили продуктами. Потом меня взяли на кухню. Я убирала, мыла на морозе молочные бидоны» [8, с. 239].

В тяжелом положении оказались воспитанники детских учреждений. Не избежали чисток и детдомов, которые систематически проверялись оккупантами на наличие еврейских детей, инвалидов. Вместе со взрослыми они направлялись для постоянного проживания на территорию гетто, где отсутствовали элементарные условия существования. Акции переселения сопровождались массовыми убийствами, которые совершали германские солдаты.

Так, в Павловске в целях уничтожения детского населения оккупанты открыли «Детский дом», в который помещались дети в возрасте от 3 до 13 лет, насильно отобранные у родителей. На почве постоянного голода дети умирали. Только в течение декабря 1941 г. — мая 1942 г. от голода в детдоме умерло 387 советских детей [9, л. 247].

Об условиях содержания детей в детском доме города Гдова в период немецко-фашистской оккупации сообщала В.А.Дробышевская: «В помещении не было абсолютно никакой мебелировки в полном смысле этого слова. На полу лежала солома, покрытая рогожей. Она служила детям постелью, столом и стулом. Здесь они спали, принимали пищу, проводили свой досуг. Только в одной комнате стояло несколько ломаных кроватей без матрацев. На них лежало несколько умирающих детей, которые были абсолютно без надзора. Вся масса детей ютилась в темных углах на соломе. Все они были оборванные, грязные, чесоточные. Питание детей состояло из 175 г хлеба и литра так называемой “баланды”. Из беседы с детьми выяснилось, что большинство

их попало сюда в связи с принудительной отправкой родителей в Германию или в связи с потерей матерей от тифа и голода. Никакого обеспечения детей одеждой или обувью не было, что поставило детей детского дома в бедственное положение. Дети приходили в неопишемом состоянии — изможденные, оборванные, больные» [10, л. 29-29об].

Начиная войну с СССР, руководство Германии имело четко очерченные цели и задачи в медицинской сфере, которые реализовались на захваченных землях. Запрещалось оказывать медицинскую помощь местному населению оккупированных восточных областей. Так, «ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для немеческого населения». В Парголовском районе были полностью уничтожены больницы, обслуживавшие мирное население — Лемболовская больница и амбулатория, детские ясли, Гарболовская больница и амбулатория, Куйвозовская амбулатория и детские ясли, Чернореченский родильный дом, амбулатория и детские ясли, Александровская амбулатория [6, л. 14-15 об]. Миграции населения, вызванные войной, уменьшение количества больниц и поликлиник, бань, медицинского персонала, введение оплаты за медицинские услуги, истощение и голод приводили к распространению инфекций.

В период оккупации среди детей Северо-Запада России были отмечены случаи малокровия, болезней, связанных с плохим питанием, что подчеркивало невозможность родителей обеспечить минимальные потребности детей. Медицинские работники отмечали, что не хватало самых простых и необходимых вещей: дезинфекционных средств, инструментов, игл для шприцев.

Наиболее частыми заболеваниями были диспепсия, болезни кожи (прежде всего чесотка). Причинами их распространения становились плохое питание, голодание, отсутствие нужных для детского организма средств для дальнейшего роста (углеводов, содержащихся в мясе), несоблюдение правил личной гигиены, редкое посещение бани. Также были зафиксированы случаи сыпного тифа, дизентерии, кори, рахита.

Частью миграционных процессов стал рост числа беспризорных и безнадзорных детей на улицах оккупированного региона. З.И.Васильева (Романова), 1929 г. р., жительница деревни Именицы Ленинградской области, вспоминала: «А у нас немцы все подчистую забрали: корову, теленка, картошку, зерно, из домов все выносили, и оба дома сожгли дотла. Ничегошеньки-то у нас не осталось, и оказались мы, неприкаянные, на улице. Нянюшка побоялась к себе взять — ведь саму расстреляют. Слонялись втроем по деревням, спали, где придется, ели что Бог пошлет, милостыню просили. Кто подаст — хорошие люди тоже попадались, а кто побоится... Гнилушки картофельные подбирали, потом трава пошла — ели все подряд» [8, с. 286-287].

Ряд детских больниц, отделений при больницах и кабинетов, уцелевшие от полного разрушения захватчиками, в годы оккупации Северо-Запада России продолжали работу, однако оказываемые в них услуги были платными. Их стоимость соответствовала месячной зарплате няни детдома, двухмесячному окладу уборщицы в горуправлении. У большинства населения не было таких денег. Так, стационарное лечение в больнице стоило 50 руб. в сутки, выполнение перевязок — 25 руб., за амбулаторный осмотр взималось 10 руб. Легкая операция стоила до 2000 руб. [11].

В течение 1941—1944 гг. отмечалась тенденция к закрытию детских кабинетов, отделений, больниц и присоединению их к больницам, которыми пользовалось взрослое население. Медицинские учреждения работали с перебоями. В случае закрытия на ремонт некоторые так и не открывались из-за отсутствия финансирования. В числе преступлений гитлеровцев в медицинской сфере — использование детей в качестве доноров для немецких солдат. С этой целью оккупантами открывались детские дома. Таковым был детский дом в Вырице.

Социальная незащищенность, экстремальные условия военного времени, обнищание населения сказались на демографическом положении. Уровень смертности в оккупированных районах Ленинградской области в 1942 г. почти в 3,5 раза превосходил уровень рождаемости. В начале 1943 г. 10 из 13 новорожденных умирали вскоре после появления на свет [12, с. 372].

С крахом операции «Барбаросса» оккупированные территории СССР превратились в один из важных источников обеспечения военной экономики рейха и германской армии. Подростающее поколение стало представлять собой значительную по численности группу, потенциал которой можно было использовать на работах, а при нужной идеологической обработке найти среди них активных сторонников «нового порядка». Тем более это было необходимо, поскольку нередко партизанам и подпольщикам помогали дети, участвовавшие в разведке, сборе оружия. Особая роль в этом процессе оккупантами придавалась образовательной политике, работе дошкольных, школьных и внешкольных учреждений.

Идеологическая обработка подрастающего поколения происходила и через печать. В период оккупации некоторые газеты и журналы были адресованы специально подросткам и молодежи. Все издания были объединены одной целью — пропагандировать идею об освободительной роли Германии от «жидо-большевиков». В периодической печати проводили мысль о необходимости скорейшего спасения детей, испорченных большевиками и их системой воспитания, начиная с ясельного возраста [13].

Уже в начале 1942 г. на территории Северо-Запада России началась кампания по вывозу рабочей силы в рейх, сначала добровольная, а потом принудительная. В 1942 г. вербовка в рейх затронула преимущественно детей старшего школьного возраста. В апреле 1942 г. вышел приказ Заукеля о мобилизации гражданских квалифицированных работников и работниц в возрасте от 15 лет для использования их на работе в Германии. В сентябре 1942 г. проводилась акция по вербовке «восточных работниц», девушек и женщин от 15 лет.

Агитацию среди подростков и молодежи в возрасте от 14 до 20 лет для последующей добровольной отправки в Германию проводили коллаборационистские силы.

Когда в конце 1942 г. стало понятным, что фактически все акции по добровольному набору рабочей силы провалились, немецкие власти сделали ставку на принудительную мобилизацию подростков и молодежи. В процессе проведения принудительных мобилизаций разрешалось применение всех возможных средств, под которыми подразумевалось использование принудительных депортаций, проведение облав и зачисток населенных пунктов, жители которых подозревались в связях с партизанами.

Таким образом, начиная с весны 1943 г., проводился целенаправленный вывоз детей старшего школьного возраста на принудительные работы в Германию наряду со взрослым населением. Так, в Волотовском районе среди 957 угнанных граждан было 341 чел. нетрудоспособного населения (дети, подростки, старики) [14, л. 11-11об]. Жительница деревни Тараканово Полавского района Ленинградской области Н.М.Барина рассказывала районной комиссии ЧГК о том, что «за два дня до угона на немецкую каторгу я родила пятого ребенка (четверо первых детей имели возраст от 2 до 7 лет). И нам тоже пощады не было. Нас вели босыми по мерзлой земле 12 километров до деревни Щечково. Дети не могли идти: с ног их текла кровь. Они ложились и плакали в изнеможении. Немцы беспощадно били детей прикладами винтовок. В холодном пересыльном помещении д. Щечково мерзли десятки взрослых и малолетних невольников. Большинство детей умерло здесь. Оставшихся гнали дальше» [15, л. 8-10].

Одним из наиболее эффективных стал захват гражданского населения во время проведения карательных операций против партизан. Согласно приказу Гимmlера, начиная с ноября 1942 г. при проведении антипартизанских экспедиций необходимо «все трудоспособное население брать в плен, чтобы потом направлять в рейх» [16]. Мужчины 15—60-летнего возраста, захваченные в партизанских районах, считались военнопленными и сразу переправлялись на сборные пункты. Туда попадали и трудоспособные женщины такого же возраста. Подростки и молодежи тоже набирались для угона в Германию при проведении карательных экспедиций против партизан.

Из числа детей, захваченных во время карательных экспедиций, детдомовцев, детей, находящихся в концлагерях, тех, чьих родителей репрессировали, беспризорных, отбирались пригодные для обучения в соответствующих школах. На Северо-Западе России существовала целая сеть таких разведшкол, в которые гитлеровцы набирали детей в возрасте от 8 до 14 лет. В качестве оплаты за сотрудничество они получали деньги и продукты питания.

Захват большого количества детей при борьбе с партизанами не только способствовал решению вопросов рабочей силы и обучению диверсантов, но и соответствовал задачам германизации. Дети, оторванные от семьи, родной земли, ощущали на себе сильное психологическое воздействие германской пропаганды о невозможности возвращения на родину, победу Германии в войне с СССР.

Оккупанты использовали местное население и для работ на нужды немецкой армии. Отличительной чертой их трудовой политики являлось использование подростков и старших школьников в производстве и на принудительных работах. В отношении детей применялись исключительно репрессивные методы эксплуатации.

В течение 1941 г. на Северо-Западе России проводилась регистрация трудоспособных жителей. Учетом рабочей силы занимались биржи труда, созданные при оккупационных органах власти. В августе 1941 г. рейхсминистр по делам оккупированных восточных областей А.Розенберг издал распоряжение о введении обязательной трудовой повинности для населения Остланда в возрасте от 18 до 45 лет [16]. Однако трудовую повинность выполняли, начиная с 14 лет, что подтверждается архивными документами. Детей с захваченных восточных территорий использовали как на принудительных работах в пределах, так и вывозили в Германию.

Оплата труда неквалифицированного работника (а подростки относились именно к этой категории) оценивалась в размере 50—70% от зарплаты квалифицированного [17]. Дети в возрасте от 14 до 18 лет не имели квалификации, многие не успели окончить даже обязательной школы. Изначально в своих планах по эксплуатации захваченных земель и германизации населения нацисты не предусматривали профессиональное обучение детей. Оккупанты рассматривали детей и подростков в качестве дополнительной рабочей силы по расчистке от развалин, снежных заносов и ремонту дорог под контролем немецких военных, а также по разминированию, сбору неразорвавшихся снарядов и на других опасных для жизни работах. Объявлялось, что за невыполнение таких распоряжений, неповиновение каждый будет строго наказан. Однако, несмотря на введение жестких наказаний, подростки и молодежь стремились уклониться от исполнения повинности.

В 1943—1944 гг. немецко-фашистское армейское командование потребовало тотального использования рабочей силы без учета возраста и половых различий для проведения работ в прифронтовых районах [17]. В конце 1943—1944 гг. на оккупированных территориях было создано наибольшее количество лагерей для содержания гражданского населения, которое использовали на принудительных работах на линии обороны немецкой армии.

После победы советских войск под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге репрессивная политика гитлеровцев достигла апогея жестокости. 10 июля 1943 г. Гимmlер подписал приказ о разорении советских территорий. Военно-политическое руководство Германии требовало от военных и гражданских властей ужесточить тотальные грабежи, уничтожать населенные пункты, шире применять тактику «выжженной земли». Гражданское население срочно подлежало эвакуации, перемещению в сборные лагеря и отправке в Германию.

Очищенные территории планировалось использовать в сельскохозяйственных целях, а «детские лагеря расположить на границе этих территорий, так чтобы дети могли быть использованы в качестве рабочей силы» [18, с. 499].

Абсолютно все население, в том числе и маленькие дети, были заключены в специально организованные лагеря. Так, на территории Лодейнопольского района имелся один такой лагерь в бывшем Свирском монастыре, куда сгонялось мирное население и военнопленные, советские военнослужащие. Все содержащиеся в лагере, в том числе и дети старше 10-летнего возраста, были обязаны работать на тяжелых физических работах в лесу и на дорожном строительстве, причем нормы выработки для детей были установлены те же, что и для взрослых [4, л. 24-31].

В лагере поселка Ильинское Олонецкого района Карело-Финской ССР было заключено до 1500 женщин, стариков и детей Подпорожского, Лодейнопольского и Вознесенского районов Ленинградской области. Работа в лагере производилась под конвоем по 12—14 часов в сутки, причем к работе привлекались старики и дети, начиная с 10 лет, которые работали наравне со взрослыми. Зарплату дети до 15 лет не получали. Вследствие непосильного труда и голодного пайка (работающим вы давалось по 100—150 граммов эрзац-хлеб и немного гнилой картошки, иногда тухлого мяса) в лагерях была большая детская смертность. 30 марта 1942 года начальник лагеря «Ильинское» Эрикайнен избил 30 человек заключенных за то, что они уходили из лагеря на поиски продуктов. В числе избитых были дети: Шаврукова Люба 10 лет, ее сестра Надя 8 лет, и другие [19, л. 178-182].

На территории Гатчины имелось несколько концлагерей для гражданского населения. Они были расположены в торговом поселке, в артиллерийских казармах и на ул. Хохлова. В этих лагерях заключались эвакуируемые немцами со станций Мга, Пушкин, Красное Село и других мест, а также арестованные за различные крупные и мелкие «провинности»: кражи с огородов, грубость в отношении немцев, уклонение от работ и т. п. Наряду со взрослыми в них содержались маленькие дети. Заключенные выполняли работы по очистке аэродрома, стирали, пилили дрова и т. п. [20, л. 2-10].

Архивные документы показывают факты многочисленных убийств и издевательств над советскими детьми на оккупированных нацистами территориях. Действия партизан заставляли оккупантов усиливать репрессивную политику, которая проявилась в карательных операциях и принудительных депортациях гражданского населения, в том числе и детей, в рейх за связь с партизанами. Приоритетными мерами наказания за сопротивление стали репрессивные, в том числе карательные экспедиции, создание лагерей. Массовые преступления против детей и подростков сопровождали не только карательные акции оккупантов, они лежали в основе их политики, направленной на истребление местного населения, на угон его на принудительные работы, в том числе в Германию в качестве дешевой рабочей силы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>.

1. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов: В 7 т. Т. 3. Военные преступления и преступления против человечности / Под общ. ред. Р.А.Руденко. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1958. 815 с.
2. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы / Под ред. и с предисл. П.А.Жилина. М.: Воениздат, 1987. 302 с.
3. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее — ЛОГАВ). Ф. Р-351. Оп. 1. Д. 145.
4. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. Р-396. Оп. 7. Д. 327.
5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 105.
6. ЛОГАВ. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 141.
7. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 2. Д. 7.
8. Иванова И.А. За блокадным кольцом. (Воспоминания). СПб.: ИПК «Вести», 2010. 640 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 247.
10. Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. Р-903. Оп. 3. Д. 3.
11. Гатчинская правда. 1944. 10 февраля (№ 1).
12. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. СПб.: Издательский дом «Нева», М.: «ОЛМА ПРЕСС», 2002. 960 с.
13. За Родину (Дно). 1942 г. 9 октября.
14. Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО). Ф. Р-1793. Оп. 1. Д. 9.
15. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее — ГАНИНО). Ф. 1667. Оп. 2. Д. 38.
16. Красноженова Е.Е., Гребень Е.А. Принудительный труд населения в условиях нацистской оккупации 1941—1944 гг. (на материалах пограничной территории Беларуси и СевероЗапада России) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 4. С. 908-920.
17. Красноженова Е.Е., Гребень Е.А. Остарбайтеры белорусско-российского пограничья: условия жизни и труда в Германии и Прибалтике (1941—1944) // Вопросы истории. 2021. № 11(1). С. 18-27.
18. СС в действии: документы о преступлениях СС / Под ред. и с предисловием М.Ю.Рагинского. М.: Прогресс, 1969. 624 с.
19. ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 53. Д. 89.
20. ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 81.

References

1. Rudenko R.A., comp. Nurnbergskiy process nad glavnymi nemeckimi voennymi prestupnikami: sb. materialov [The Nurnberg trial of the main German war criminals: collection of materials] in 7 vols, vol. 3. Voennye prestupleniya i prestupleniya protiv chelovechnosti [War crimes and crimes against humanity War crimes and crimes against humanity]. Moscow, 1958. 815 p.

2. Zhilin P.A., comp. Prestupnye celi gitlerovskoy Germanii v voyne protiv Sovetskogo Soyuz: dokumenty i materialy [The criminal goals of Hitler's Germany in the war against the Soviet Union: documents and materials]. Moscow, 1987. 302 p.
3. Leningradskiy oblastnoy gosudarstvennyy arhiv v g. Vyborge (LOGAV) [Leningrad Regional State Archive in Vyborg (GKU LOGAV)]. F. P-351. Op. 1. D. 145.
4. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (daleye — TSGAIPD SPb) [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (CSAHPD SPb)]. F. P-396. Op. 7. D. 327.
5. Central'nyy gosudarstvennyy arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb) [The Central State Archive of St. Petersburg (SPb CSA)]. F. P-9421. Op. 1. D. 105.
6. LOGAV. F. P-407. Op. 1. D. 141.
7. CGA IPD SPb. F. P-116л. Op. 2. D. 7.
8. Ivanova I.A. Za blokadnym kol'com. (Vospominaniya) [Behind the siege ring. (Memories)]. St. Petersburg, 2010. 640 p.
9. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (RF SA)]. F. P-7021. Op. 30. D. 247.
10. Gosudarstvennyy arhiv Pskovskoy oblasti (GAPO) [State Archive of the Pskov Region (SAPR)]. F. P-903. Op. 3. D. 3.
11. Gatchinskaya pravda [Gatchina Truth], 10.02.1944.
12. Lomagin N.A. Neizvestnaya blokada [Unknown Siege]. St. Petersburg — Moscow, 2002. 960 p.
13. Za rodinu (Pskov) [For the Motherland], 09.10.1942.
14. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novgorod Region (SANR)]. F. P-1793. Op. 1. D. 9.
15. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti (GANINO) [State Archive of Contemporary History of the Novgorod Region (SACHNR)]. F. 1667. Op. 2. D. 38.
16. Krasnozhenova E.E., Greben' E.A. Prinuditel'nyy trud naseleniya v usloviyah nacistsskoy okkupacii 1941—1944 gg. (na materialah pogranichnoy territorii Belarusi i Severo-Zapada Rossii) [Forced Labor of the Population under the Nazi Occupation of 1941—1944 (based on the materials of the border territory of Belarus and the North-West of Russia)]. Modern History of Russia, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 908-920.
17. Krasnozhenova E.E., Greben' E.A. Ostarbaytery belorussko-rossiyskogo pograniich'ya: usloviya zhizni i truda v Germanii i Pribaltike (1941—1944) [Ostarbeiters of the Belarusian-Russian border: living and working conditions in Germany and the Baltic Region (1941—1944)]. Voprosy istorii, 2021, no. 11(1), pp. 18-27.
18. Raginsky M.Yu., comp. SS v deystvii: dokumenty o prestupleniyah SS [SS in action: documents on the SS crimes SS]. Moscow, 1969. 624 p.
19. CGA SPb [SPb CSA]. F. P-7179. Op. 53. D. 89.
20. CGA SPb [SPb CSA]. F. P-9421. Op. 1. D. 81.

Krasnozhenova E.E. Invaders and children: 1941—1944 (based on the materials of the North-West of Russia). The article examines the strategies of survival of children and adolescents in the extreme conditions of the Nazi occupation of the territory of the North-West of the RSFSR during the Great Patriotic War. The policy of the occupation authorities in relation to children and adolescents in the territory under consideration is shown. The conditions and forms of relations between the children's population and the occupiers are analyzed. The fascist occupation regime put children on the brink of survival. The German occupiers carried out a pre-planned criminal policy against children and adolescents, containing a whole range of measures aimed at the systematic extermination of the civilian population.

Keywords: The Great Patriotic War, the North-West, military childhood, invaders, Nazism, crimes.

Сведения об авторе. Елена Евгеньевна Красноженова — д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Россия, г. Санкт-Петербург); ORCID: 0000-0003-1679-8590; eleena@inbox.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.05.2022. Принята к публикации 01.06.2022.

Ссылка на эту статью: Красноженова Е.Е. Оккупанты и дети: 1941—1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4(43). С. 428-433. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).428-433

For citation: Krasnozhenova E.E. Invaders and children: 1941—1944 (based on the materials of the North-West of Russia). Memoirs of NovSU, 2022, no. 4(43), pp. 428-433. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).428-433